

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА НА ФОРМИРОВАНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ»

А.В. Лубков, Г.А. Артамонов, И.В. Литвинова, Е.А. Большакова

Аннотация. Поиск основ «национальной идеи» становится предметом острых дискуссий общественной мысли России XIX столетия. На языке представителей государственной власти она получила выражение в виде емкой идеологемы «православие, самодержавие, народность», у славянофилов — «церковь, государство и община». С целью выявления значения, которое вкладывалось современниками в понятие «народность», и как это влияло на формирование представлений о «национальной идее», авторы обращаются к трудам представителей государственной (юридической) школы, для которых поиск ответов на вопросы о собственном прошлом, особенностях социальной организации, роли государства в строительстве и функционировании общества стал предметом кропотливой исследовательской работы. Исторические условия бытия людей в каждую конкретную эпоху накладывают свой отпечаток на процесс выработки того или иного общественно значимого идеала. Выявить основные противоречия социокультурного исторического контекста эпохи — важнейшая методологическая задача, которую ставят перед собой авторы.

Ключевые слова: национальная идея, «русская идея», общественная мысль, государственники, государственная (юридическая) школа, историки права, община, призвание князей (варягов), идея служения, ценности, европоцентризм, мечта, идеал.

Для цитирования: Лубков А.В., Артамонов Г.А., Литвинова И.В., Большакова Е.А. Влияние ценностных ориентиров представителей юридической школы общественной мысли второй половины XIX века на формирование актуальных представлений о «национальной идее» // Преподаватель XXI век. 2023. № 4. Часть 2. С. 272–287. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-4-272-287

© Лубков А.В., Артамонов Г.А., Литвинова И.В., Большакова Е.А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE INFLUENCE OF THE VALUES OF THE REPRESENTATIVES
OF THE LEGAL SCHOOL OF SOCIAL THOUGHT IN THE SECOND HALF
OF THE NINETEENTH CENTURY ON THE FORMATION
OF CURRENT IDEAS ABOUT THE “NATIONAL IDEA”

A.V. Lubkov, G.A. Artamonov, I.V. Litvinova, E.A. Bolshakova

Abstract. *The search for the grounds of the “national idea” becomes the subject of robust discussions of Russian public thought of the 19th century. In the language of the representatives of state power it was expressed in the form of a succinct ideologeme “Orthodoxy, autocracy, ethnicity”, in the Slavophiles – “church, state and community”. In order to identify the meaning that contemporaries put into the concept of “ethnicity” and how it influenced the formation of ideas about the “national idea”, the authors turn to the works of representatives of the state (legal) school, for whom the search for answers to questions about their own past, the peculiarities of social organization, the role of the state in the construction and functioning of society became the subject of thorough research work. Historical conditions of people’s existence in each particular epoch put their own imprint on the process of elaboration of this or that socially significant ideal. To identify the main contradictions of social and cultural historical context of the epoch is the most important methodological task that the authors set for themselves.*

Keywords: *national idea, “Russian idea”, public thought, statesmen, state (legal) school, historians of law, community, calling of princes (Varangians), idea of service, values, Eurocentrism, dream, ideal.*

Cite as: Lubkov A.V., Artamonov G.A., Litvinova I.V., Bolshakova E.A. The Influence of the Values of the Representatives of the Legal School of Social Thought in the Second Half of the Nineteenth Century on the Formation of Current Ideas about the “National Idea”. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2023, No. 4, part 2, pp. 272–287. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-4-272-287

273

В современных условиях обострения геополитических противоречий вновь актуализируется давний историко-философский спор о типологических особенностях российской цивилизации. Есть ли самобытный путь России, отличный от Европы и Азии, или вся его специфика состоит в заимствованиях и влияниях извне? Одно из направлений развития этой дискуссии связано с представлением о том, какая цивилизация наследует традиционные христианские ценности: католическо-протестантский «коллективный Запад» или «Православный Восток». Поиск ответов на эти вопросы неизбежно влечет

за собой обращение к иерархии ценностей общественного самосознания народа, являющегося своего рода «оптикой» восприятия им социальной реальности. В современном общественном сознании, например, достаточно распространены представления о существовании особой «американская мечта» или европейской. В научной и публицистической литературе рассуждения на тему о национальной мечте россиян, как правило, начинаются с фокуса на дискуссиях вокруг «русской идеи».

Одними исследователями она оценивается как идефикс и результат творческой

фантазии русских мыслителей с целью идеологического обоснования претензий на развитие по особому пути [1], причем нельзя не согласиться с теми авторами, которые указывают на европоцентристскую приверженность как критиков «русской идеи», так и некоторых из ее апологетов [2, с. 205]. Ряд авторов отстаивает идею о значительном внешнем влиянии на процессы складывания русской народности, благодаря которому появилось, например, основанное на византийской духовности древнерусское искусство [3].

Большой круг мыслителей образуют и авторы, пытавшиеся обосновать существование особой «русской идеи», начиная с любителей русской старины — славянофилов, что обострило размежевание взглядов в среде российского просвещённого класса и способствовало развитию различных идейных течений в русской общественно-политической мысли второй половины XIX в. Но были ли оппоненты так диаметрально противоположны — вопрос, который продолжает инициировать новые и новые исследования и в настоящее время [4; 5]. Другая грань этой проблемы — является ли национальная идея интенцией философской мысли или содержание этого понятия должно раскрываться в онтологических формах эмпирической жизни конкретного народа — составила предметное пространство настоящего исследования. Исходная авторская позиция состоит в попытке рассмотреть онтологию как бытие, которое в наиболее законченном и последовательном виде проявляется не столько в философских учениях, сколько в повседневной исторической практике существования и взаимодействия людей [6, с. 43].

В случае признания национальной идеи продуктом общественно-политического сознания своей эпохи исследователь неизбежно упирается в дискуссии 1840-х –

1850-х годов и фигуру П.Я. Чаадаева, первым заявившего, что в умах современно-го ему общества происходит выработка «какой-то национальности» [7]. Причем следует отметить, что вызвавшие небывалую до той поры полемику в обществе относительно размышлений о самих себе во времени «Философические письма» П.Я. Чаадаева содержат и некоторые размышления автора применительно к интересующему нас вопросу. Представляется важным его тезис о том, что идея, которая не имеет возможности обосноваться на чем-либо, грозит стать «искусственным созданием» [8, с. 91–92].

Как известно, русская философская мысль испытывала влияние некоторых античных учений, в частности Платона, идей французского Просвещения и немецкой классической философии. Отличительной особенностью ее рефлексии мирового научного наследия являлась фокусировка на ценностной проблематике и онтологических вопросах. В связи с этим обращение к творчеству древнегреческого философа разъясняет исходное понятие «идея». Никто иной, как Платон ввел термин «идея» в употребление. Через язык метафоры в своих диалогах Платон доводит до нашего понимания природу идеи и ее значение.

Идея Платона имеет метафизическую природу. Она — первопричина всего сущего, а потому абсолютна по своей природе и отражает бытие мира. Не останавливаясь подробно на том, что для Платона идея несет значение блага и социальной справедливости как гармонии мира, к которому должно стремиться человечество, акцентируем внимание на стержневой основе его рассуждения, а именно на том, что идея есть ничто иное как онтологическая модель бытия [6, с. 14–35].

Становление и развитие общества начинается с ойкумены. В пространстве

ойкумены происходит первый диалог людей и природы, откуда и происходят истоки локальной цивилизации. Формируется конкретное общество со своей системой ценностных координат, которая будет отличать данное общество от каково-либо другого. Эти ценности передаются из поколения в поколение, опыт народа аккумулируется в идеологии, которая становится определяющей стратегией общественного развития.

Главной проблемой общества, в том числе и идеального, образ которого воссоздает в своих трудах Платон, является человек. В процессе его жизнедеятельности заявляют о себе такие проблемы, как мера отношения человека к этому миру, его персональная ответственность, ценность нравственности и совестного суда. Это те «киты», согласно платоновской гносеологии, на которых способно устоять и развиваться государство. Поэтому утверждение благого справедливого общества выдвигает на первый план в качестве государственной проблему воспитания человека. Цель воспитания усилиями государства заключается в подготовке души человека. Познание самого себя и своего внутреннего голоса совести становится залогом успешного развития общества по стезе идеи блага.

Что примечательно, свидетелями неиссякаемой жизненности платоновских постулатов стали современники XIX в. Надо отдать должное российской политической элите в лице ряда представителей государственной власти, например, М.М. Сперанского, Д.Н. Блудова, А.С. Шишкова, С.С. Уварова, которая с 20-х гг. XIX в. начинает активно реализовывать стратегию создания национальной модели просвещения, обосновывая при этом, на чем зиждется русская цивилизация. Отстаиваемая позиция самостоятельности России в вопросах просвещения и политическо-

го порядка не означала вектор на изоляцию России в системе европейских государств, но указывала на принципиальное иное политическое и идейно-культурное развитие России.

Идея просвещения, которая в дальнейшем станет определяющей в деятельности как политической, так и интеллектуальной элиты русского общества, а затем сформирует в глазах общества приоритет ценности образования, раскрывается не в духе просветителей XVIII в. Правительственная доктрина, оформленная в виде известной идеологии министром просвещения С.С. Уваровым, построена на принципах легитимизма и идеи служения, связывая народ и царя в единый крепкий узел [9; 10].

Три кита идеологической программы, сформулированные сначала А.С. Шишковым в виде «вера, воспитание, язык», а затем С.С. Уваровым — «православие, самодержавие, народность» — выражали суть национальной идеи. Здесь вера православная выступает в качестве символа национальной самоидентификации [11, с. 342], самодержавие — национальной формы правления русской цивилизации, о чем говорил автор фундаментального обобщающего труда по отечественной истории Н.М. Карамзин. А слово «народность», предложенное П.А. Вяземским в 1819 г. в качестве перевода французского *nationalite*, культивируемого европейскими романтиками, трактуется как национальное своеобразие и открывает широкие возможности для познания своих национальных корней и традиций.

В XIX в. национальная идея становится предметом глубокого анализа общественной мысли. На языке представителей государственной власти она получила выражение в виде емкой идеологии «православие, самодержавие, народность». По другому ее можно представить, следуя

за славянофилами, как церковь, государство и община. Это тот стержень, взаимосвязь элементов которого обеспечивал крепость и целостность общественно-государственного устройства в Русской земле. В общине славянофилы видели историческое начало гражданского института общественной жизни, основанного на началах соборности [12, с. 180].

Поиск ответов на вопросы о собственном прошлом, о предназначении, особенностях социальной организации, роли государства в строительстве и функционировании общества стал предметом кропотливой исследовательской работы историков права, вошедших в историю под названием «младшего» поколения государственной (юридической) школы. В отличие от философского конструирования постулатов национальной идеи или художественных средств ее выражения, что было характерно для европейских мыслителей, отечественные мыслители государственной (юридической) школы обратились к анализу памятников древнерусского права, литературы, летописей, выработав собственную методологию исследования. Их интерес был прикован к народному и юридическому быту Древней Руси, к русской общине, проблемам народоправства и крепостного права [13].

Не обошли стороной историки-юристы в своих исследованиях и феномен народности. Термины «народность» и «народное сознание» ярко прозвучали в исследованиях доктора права, декана юридического факультета и ректора Императорского Новороссийского университета (1869–1872, 1872–1877) Ф.И. Леонтовича. У него мы встречаем интересное понятие: почвенная народность. В ее характеристике историк подчеркивает те черты, совокупность которых и дает представление о самобыт-

ности. Это племенно-этнографические, родовые признаки, авторитет которых уступает значимости этнографических особенностей. Разнообразие бытовых качеств отдельных местностей характеризует самобытность каждого местного союза. Кроме того, Ф.И. Леонтович оперирует понятиями «личность» и «народное сознание» по отношению к народности. Он обращает внимание, что почвенная народность выступает как политическая личность «по устройству своего политически-независимого быта». И что не менее важно, ей присуще «сознание своей отдельности и отличия от других союзов» [14, с. 134–135]. Влияние на народное сознание почвенных условий даже сильнее, чем церкви [там же, с. 136].

Ф.И. Леонтович акцентирует внимание на антропологическом облике народа на начальных этапах его формирования. Он пишет, что «как личность в эту эпоху еще не выделялась в самостоятельную сферу, носила квалифицированный характер, определявшийся семейно-общинным ее положением, так и вообще весь состав гражданского права являлся также с определенной квалификацией, проникался по преимуществу началами общинного быта [там же, с. 147]. Привычки и убеждения человека «в силу бытовых определений так слагались, что он не только не чувствовал всей тяжести и неудобств общинной жизни, но и не мог даже представить себе человеческой жизни вне раз очерченного и замкнутого круга своей общины. Вне своей задруги, села или города он чувствовал себя изгоем...» [15, с. 214–215].

Преодолевая постепенно сепаратные областные инстинкты, стремления и интересы, общины создают целостный государственный организм, народность «претворяет общечеловеческие идеалы и порядки в свои собственные

идеалы, воспитывается в них, развивается на этой широкой почве свою национальную культуру» [14, с. 149]. Предлагаемое объяснение важно в свете изысканий современной методологии исторического познания. Ведь объективность исследователя определяется не только источниковой базой, но и желанием вчитываться в социокультурный контекст эпохи. Процесс выработки того или иного идеала конкретной эпохой имеет свое историческое обоснование, которое распознает историк, руководствуясь той или иной иерархией ценностей, определяющих восприятие исторической действительности и соответственно оценку и интерпретацию исторических явлений, что доказывают исследования представителей юридической школы [16].

В русском обществе XIX в. было очень расхожим представлением о свободной и независимой личности, что порой определяло вектор соответствующих поисков в исторических источниках. Например, историк права, профессор Санкт-Петербургского университета Н.М. Коркунов отмечал, что с началом Нового времени общественное сознание пронизано идеей борьбы индивидуализма и общественного авторитета, или традиционализма, говоря современным языком. Автономная личность, «отрешенная от всех исторических и бытовых условий, становится мерилom и основой сущего и всего мыслимого». Однако ничего позитивного не предлагая для создания общества, она ведома духом критики и вечного протеста, что подрывает уважение к устоям [17, с. 6–8].

Тезис о том, что в России община была изначальным порядком, а не продуктом государственной власти, объясняет также профессор Санкт-Петербургского университета А.Д. Градовский. Главным мерилom в определении исконности порядка он считает отношения

к земле. И здесь сразу же вырисовывается отличительная особенность русской общины. Если в Европе поземельные отношения устанавливались и поддерживались властью землевладельцев, и «каждый феодал требовал, чтобы все лица, жившие на принадлежавшем ему участке земли, тянули к нему судом и данью» [18, с. 405], то в России все было иначе. Исконный порядок на Руси устанавливал, что «по земле все подчинялись только государству и потому считались свободными членами русского общества» [там же, с. 407].

На Руси не знали факта рабства в отличие от Западной Европы. С точки зрения личных прав крестьянство издавна составляло одно целое, считает А.Д. Градовский, а черная община как главный представитель общинного быта была общим правилом, владельческая — исключением применительно не только к раннему периоду, но и ко временам Судебника 1497 [там же, с. 410, 413]. Такой исконный порядок избавлял людей на Руси «от случайностей чисто личных отношений, так много способствовавших развитию рабства в России» с укреплением поместного землевладения [там же, с. 407].

Таким образом, типичная особенность русского общества в отличие от западноевропейского, по А.Д. Градовскому, состояла в том, что «русский человек имел дело с общиной больше, чем с князем; община была для него правилом, князь — исключением» [19, с. 126], тогда как в западном обществе, наоборот, связь человека с частным лицом (феодалом) была прямой.

Значительное внимание выявлению особенностей славяно-русского этнографического типа, который появился на карте восточной Европы в процессе выхода праславян из придунайских областей вверх по течению Днепра [20], уделял

Д.Я. Самоквасов, которого некоторые современники окрестили «архивным Бисмарком» [21]. На археологических источниках историк обосновывал своеобразие социального быта.

Обращаясь к национальным истокам в определении специфики русского общества, Д.Я. Самоквасов обосновывал, что «древняя вервь служила опорой Русской земле со времени княгини Ольги до XIX в.». Потеряв прежнее название, русская вервь (община) продолжала существовать и в XV в. и настолько была обычным явлением, что «его не замечали законодатель и русские ученые» [22, с. 66].

Крепость и порядок русской общины зиждильсь, как полагает Д.Я. Самоквасов, не на сложной системе гражданского законодательства, характерной для завоевательных государств и основанной на институтах частной поземельной собственности. Напротив, вся земля являлась собственностью общины, которая не знала ни частной собственности, ни института поземельного рабства. Основной отличительной чертой крестьянской общины и в период написания Русской Правды, и в XV в. было равенство членов по владению землей, рост населения влек не дробление участков земли, а образование новых общин на свободных землях [20, с. 192–196г; 22, с. 54, 60, 67].

И хотя к народам, не знавшим порядка приобретения и передачи частной поземельной собственности, Д.Я. Самоквасов относил и древних германцев, характерной чертой русской общины было отсутствие подобного рода законодательства и в XIX в., когда по-прежнему община «довольствуется немногими правилами обычного права, известными каждому домохозяину и каждому взрослому члену крестьянской семьи» [20, с. 196г].

Особенности этого «любопытнейшего и интереснейшего учреждения», каковым являлась община, не ускользнули от глаз иностранцев. Так, современник барон Гакстгаузен, путешествовавший по России, высоко оценивал значение общины, не имеющей аналога ни в какой другой стране. Он отмечал неизмеримые выгоды для внутреннего общественного состояния, которые культивирует община, обеспечивающая «органическую связь» в обществе, «крепкую общественную силу и порядок» [22, с. 66].

Если для ряда представителей государственной (юридической) школы бесспорным является вопрос о том, что община или, говоря вслед за Ф.И. Леонтовичем, «задруга является передовым пахарем и землевладельцем, вотчинником» [14, с. 138, 147], то для других, например, Б.Н. Чичерина и В.И. Сергеевича, это опровержимый факт. Историк права, декан юридического факультета и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета (1888–1897, 1897–1899) В.И. Сергеевич ставил в заслугу Б.Н. Чичерину то, что он первым позволил себе усомниться в русской земельной общине как исконном порядке вещей. Если Б.Н. Чичерин считал, что появление поземельной общины было следствием государственных мер по обеспечению выплаты подушной подати и относил соответственно время ее появления к эпохе Петра I, то В.И. Сергеевич относит общинное владение к эпохе Ивана III. Он видит истоки общины не в народных обычаях, а в правительственных распоряжениях, нацеленных на обеспечение государева тягла, получившего в Новое время оформление в виде подушной подати [23, с. 8–15].

На основании Новгородских писцовых книг XV и XVI вв. В.И. Сергеевич определяет, что возникновение

общинного крестьянского землевладения связано главным образом с политикой Ивана III. Причем он акцентирует внимание, что владение было общинным, а землепользование — частным: «Каждый имел отдельный участок, переделов не было никаких, участки покупались, продавались, завещались, наследовались, и все это можно видеть из документов. Итак, появилось общинное владение, но не общинное хозяйство» [там же, с. 10]. Община владеет землей, собирает повинности, раздаёт пустые земли, является владельцем общинных угодий вместо бояр [там же, с. 10]. О частной собственности, по мнению В.И. Сергеевича, свидетельствует и «Русская Правда» применительно к разделу недвижимости после смерти отца [там же, с. 7].

Идея исконности общины и ее органическое происхождение — отличительная особенность, объединяющая многих представителей «младшего поколения» государственной (юридической) школы. Ф.И. Леонтович приходит к выводу: «У Славян и отчасти у Германцев родовый быт развился еще в доисторическое время и тогда же реорганизовался в быт общинный» [14, с. 150]. Опровергая тезис о том, что крестьянские общинные земли появляются не ранее XIV в. [23, с. 45], другой историк права Д.Я. Самоквасов утверждает наличие территориальной общины — верви с круговой ответственностью ее членов согласно Русской Правде [20, с. 169; 22, с. 57–58].

Такая позиция кардинально отличается от той, что придерживаются последователи теории родового быта и государственной теории, высоко оценивающие авторитет и решающую роль государственной власти в развитии новых форм собственности, форм права, гражданских союзов и др.

Ф.И. Леонтович не согласен с утверждением С.М. Соловьева, что древнее вече имело неопределенные формы и характер. Не согласен он и с характеристиками начал общественного быта древней Руси, данными Б.Н. Чичериным и В.И. Сергеевичем, как «неопределенности, хаоса, брожения и анархии», «с ее гражданским союзом, господством личности, необузданной свободы и пр.» [14, с. 123]. И если В.И. Сергеевич признает главными общественными силами древнерусской жизни господство силы и договорного начала, то Ф.И. Леонтович, А.Д. Градовский, Д.Я. Самоквасов убеждают нас в авторитете вечевой формы, которая глубоко коренится в общине как экономической, хозяйственной и административной единице [15, с. 216–233; 19, с. 101–143; 20, с. 41–96].

Склонность к аналогиям с европейскими системами государственного устройства находила своих сторонников и критиков. Так, например, для Ф.И. Леонтовича было неприемлемым мнение «о юридически-неправильных формах, о неустановившихся, не определившихся общественных отношениях древней Руси» [14, с. 123], критиковал он и А.Д. Градовского, искавшего в вечах сходство с парламентом.

Тем не менее А.Д. Градовский формулирует важный вывод: «Дворянство не могло получить у нас значения в местном управлении. Вместе с ним личное землевладение не могло получить никакого значения в самоуправлении». Учреждением, которое могло служить органам местного самоуправления, была община [18, с. 405]. А.Д. Градовский доказывает, что «община, утратившая свое значение в политической сфере, сохранила его в административной и хозяйственной, <...> она оказалась весьма пригодною к самоуправлению в административной деятельности» [19, с. 142].

Об этой же специфике славяно-русской народности говорит и Д.Я. Самоквасов. Он утверждает, что роды и общины восточных славян представляли собой не что иное, как гражданские институты, а не автократические союзы, где приоритетными были единичные социальные начала [20, с. 169].

Вступая в полемику не только с В.И. Сергеевичем, но и с Н.М. Карамзиным, Д.Я. Самоквасов считает, что они недооценивают богатство культурного экономического быта русских славян и соответственно степень развития цивилизации. Апеллируя к вещественным памятникам той эпохи, свидетельствам современников, письменным источникам, коими являются, прежде всего, договоры с греками, Д.Я. Самоквасов обосновывает вывод о том, что Древняя Русь по культурной экономической обстановке быта народа «стояла не ниже Руси первых столетий христианства, а может быть была богаче» [там же, с. 96]. Эта позиция была своего рода отголоском той дискуссии, которую инициировала речь Ф.М. Достоевского на открытии памятника А.С. Пушкину в 1880 г. о том, что нищета экономики не является препятствием для всечеловеческого единения, братской любви, высоких стремлений.

Итак, исключительная роль общины в процессе организации народа на раннем этапе формирования его как социокультурного, экономического и политического организма не вызывает сомнения у представителей «младшего поколения» государственной (юридической) школы, что они и подтверждают на широком археологическом, лингвистическом, этнографическом материале.

Ключевая роль принадлежала общине и в сфере политической. Так, Ф.И. Леонтович утверждает, что «политический строй древней России начался не с госу-

дарства, как полагал Карамзин и его современники, но, как и у других народов, с родовой или общинной формы жизни» [15, с. 199]. Он обосновывает вывод о политической состоятельности древнерусских общин, называет политическими и общественными формами народной жизни и родовую, и общинную организацию [14, с. 151], а также разводит понятия «род» и «семья» [15, с. 201].

Исходя из понимания, что община выполняла функции политического организма, Ф.И. Леонтович оценивает факт призвания князей в Древней Руси. Само это явление было следствием развития общинного быта и не представляло собой нечто экстраординарное. Факту призвания князей «нужно давать смысл династический, ставить его в связь с дальнейшей деятельностью князей Рюриковичей, сумевших удержаться в русских землях и упрочить за собою положение постоянных их правителей и нарядников» [там же, с. 213].

В подобной интерпретации идеи призвания князей Ф.И. Леонтович был не одинок среди представителей «младшего поколения» государственной (юридической) школы. А.Д. Градовский считает первоначальное призвание князя и призвание князей в течение всего древнего периода нашей истории «реакцией против общинного быта» [19, с. 121]. Он называет идею призвания княжеской власти общерусской идеей, которая проходит через всю русскую историю, а ее окончательное значение выразилось в Московском государстве, которое эту идею «специализировало для Русского государства» [там же, с. 142–143], что выразилось в закреплении дворянского сословия. Анализируя этап формирования сословий в русском государстве, он приходит к убеждению, что одним из многочисленных «закреплений» сословий было закрепление служи-

лого класса. Размышляя над выводами А.Д. Градовского, можно предположить, что под общерусской идеей он имел в виду не что иное, как идею служения сословий своему государству, для которого все сословия были не чужеродными, но «своими» [там же, с. 142]: «Общины спокойно тянули возложенное на них тягло и стянули Московское государство» [там же].

В отношении характеристики вечевых порядков в политической сфере А.Д. Градовский отчасти солидарен с В.И. Сергеевичем, который, по его мнению, излагает их «с большим знанием дела». А.Д. Градовский согласен, что «внутренние несовершенства этого быта, борьба партий, восстание «рода на род», требовали передачи постороннему для общины лицу таких дел, к которым оказывалась неспособна община или вече» [там же, с. 121].

Говоря об особенностях организации народного быта в Древней Руси, А.Д. Градовский устанавливает его отличия от западноевропейского. «Князь был посредником не столько между отдельными лицами, сколько между общинами», — утверждает историк [там же, с. 126]. На Западе «первоначальное появление общин было реакцией против феодального порядка, ассоциацией промышленных и рабочих классов против землевладельческих привилегий». Общинное движение на Западе А.Д. Градовский сравнивает с революцией, которую можно назвать как политической, так экономической и социальной. Ее апогеем стала эмансипация личности и идея договорного государства [там же, с. 121]. В России же, напротив, община утратила со временем значение в политической сфере, сохранив его в административной и хозяйственной как единица самоуправления в административной деятельности.

В отличие от замкнутых, узких сфер, в которых проходила жизнь западноев-

ропейского земледельца и горожанина, на Руси человек «не рисковал, выходя из своего города или волости, наткнуться на чуждую область, на враждебное государство. Везде была одна и та же русская земля, раскинувшаяся на необъятное пространство. Отдельные ее части не составляли самостоятельных политических тел ни в глазах князей, ни в глазах служилых людей и крестьян. Князья смотрели на свою волость как на временное владение» [24, с. 1]. Власть следовала за народом, «по пятам», что выражалось, например, в личном присутствии членов княжеского рода в различных областях и заменяло силу крепких административных органов [там же, с. 3].

Подобные мысли находим и у Ф.И. Леонтовича, который, указывая на авторитет института общины, говорит о том, что Руси был близок тип политической федерации земель и волостей, нежели единоедержавный строй государственного быта. «Ход исторических событий, однако, склонил решение вопроса в смысле последней проблемы: к XVI в. единоедержавие Московских государей установилось уже на прочных основаниях» [15, с. 214].

Единство территории, общность языка, религии, правовых норм, этнографических черт для всех 12 племенных восточнославянских княжений VII–IX вв. — значимые характеристики, выявленные Д.Я. Самоквасовым [20, с. 196].

Таким образом, выводы, к которым пришли ряд представителей «младшего поколения» государственной (юридической) школы: Ф.И. Леонтович, А.Д. Градовский, Д.Я. Самоквасов, определяют характерные черты русской общины, проявляемые как на бытовом уровне, так в системе языка и религиозно-правовых отношений, общих для всех восточнославянских племен. Хотя они и критиковали

друг друга по ряду детальных позиций, общее направление их теории позволяет сделать обобщение высказанных ими убеждений по поводу идеи народности.

Общинный порядок на протяжении веков оставался неизменным, обеспечивая стержневую основу российского государства. Исследование Ф.И. Леонтовичем, А.Д. Градовским, Д.Я. Самоквасовым вопроса о национальных особенностях устройства русского общества служит ярким подтверждением взгляда на природу национальной идеи (или «русской идеи») как онтологической модели жизни народа.

Значительно позднее, уже в XX столетии, когда древнейший этап общинной жизни славян стал различим благодаря археологическим разысканиям, стало понятно, что представления «младо-юристов» об изначальности русской общины оказались более близки к исторической истине. Сегодня можно считать практически доказанным факт и отсутствия у славян частной собственности на землю, что также следует из археологических данных, не позволяющих делать выводы о сколько-нибудь заметной иерархии в русской деревне на всем протяжении ее истории [25, с. 159–160]. Причины этого явления, характеризующего традиционные принципы социальной организации русского народа, во многом остаются загадочными. Однако не вызывает сомнений, что для каждого нового витка отечественной истории характерен специфический набор внутренних и внешних факторов, требовавших государственной и общественной реакции. Неизменным оставался лишь цивилизационный выбор российского крестьянства, последовательно отвечавшего на любые «вызовы времени» укреплением коллективных начал и восстановлением общины даже там, где ее следы изначально вроде бы не просле-

живаются, например, в Сибири. Следует учесть и перманентную внешнюю угрозу, что предполагало жертвование частным, личным и сословным интересом в пользу общего блага и со стороны привилегированных сословий [26, с. 161–162].

Итак, проведенный анализ историками права (младшего поколения) государственной (юридической) школы подтверждает взгляд на национальную идею как онтологическую модель бытия. Идея по Платону постигается человеком на уровне эвристической интуиции. Безусловно, рефлексирование представителями интеллектуальной элиты по поводу, говоря современным языком, историко-культурного кода цивилизации играет важное значение, в том числе в создании условий для переживания человеком своей сопричастности к данному этническому коллективу. Но представление о национальной идее должно включать не только этническую идентификацию, но и ценностное отражение реальных особенностей традиционных форм социальной организации народа, выработанного в ходе его исторического развития.

Нельзя не согласиться с исследователями, утверждающими, что нация создается дорефлексивным путем, основанным на опыте солидарности и общности [27, с. 41] и выраженным в базовых ценностях, которые укореняются в менталитете того или иного народа, определяя его общественный идеал. В одном случае этот идеал может подчеркивать значимость национального превосходства и мирового лидерства, в другом — братства народов и равного доступа к благам цивилизации для всех. Для одних приоритет личных интересов и благоденствия стоит выше в ценностной иерархии, у других личное счастье обусловлено общественными чаяниями и воплощено в идее коллективизма, общинности и соборности. В одном

случае общественный идеал настолько эгоистичен, что, по сути, превращается в противоположность морали, в другом — благодаря приоритету коллективного начала придает ей наиболее исторически обусловленное содержание.

Опыт поиска основ русской идеи представителями государственной школы убедительно свидетельствует, что обо-

снованное право претендовать на общенациональный характер имеет лишь та «из мира идей», которая в основе своей отрефлексированной формы «мыслительного конструкта» имеет реальные основания в историческом бытии народа, отраженном в традиционных институтах его социальной организации, культуре и языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУР

1. Янов, А.Л. Русская идея. От Николая I до Путина. Кн. 1. М.: Новый хронограф, 2014. 240 с.
2. Кочеров, С.Н., Париков, О.В. Философия русской идеи. Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2018. 288 с.
3. Семиконов, Д.В., Захряпин, А.А. Европа как «другой» русского историософского сознания: от Средневековья к модерну // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9. № 1. С. 11–27.
4. Лубков, А.В. Чаадаев и Катков: стереотипы и противоречия образов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. Вып. 4. С. 1002–1017.
5. Миронов, В.В. Национальные ценности России: исторические традиции / В.В. Миронов, Е.Н. Моцелков, К.Ю. Аласания, Э.Д. Дряева, А.В. Никандров, С.В. Туманов // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2019. № 5. С. 14–28.
6. Идеология: pro et contra / науч. ред. И.И. Кальной. Симферополь: Ариал, 2015. 564 с.
7. Лубков, А.В., Лубкова, Е.Я. Петр Яковлевич Чаадаев и имперская идея в России // Имперская традиция в российской государственности в Новое и Новейшее время: материалы Международной научной онлайн-конференции / под ред. С.В. Леонова, Г.В. Талиной. М.: МПГУ, 2023. С. 67–74.
8. Чаадаев, П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. 2. / отв. ред. З.А. Каменский. М.: Наука, 1991. 672 с.
9. Лубков, А.В. С.С. Уваров и имперская идея народного просвещения // М.М. Сперанский и опыт социально-политического реформаторства в отечественной истории: сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции / ред. кол. Е.М. Петровичева и др. Владимир: Транзит-ИКС, 2023. С. 107–117.
10. Удалов, С.В. Империя на якоре: государственная идеология, власть и общество в России второй четверти XIX века. Саратов: Саратовский университет, 2018. 256 с.
11. Минаков, А.Ю. Русский консерватизм первой четверти XIX века. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2011. 560 с.
12. Хомяков, А.С. О сельской общине // Русская цивилизация и соборность / сост. Е. Троицкий. М., 1994. С. 175–183.
13. Литвинова, И.В. Государственная (юридическая) школа в отечественной историографии о церкви и государстве: к постановке проблемы / И.В. Литвинова, В.В. Маландин, Г.А. Артамонов, Е.А. Большакова // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 4. С. 112–126.

14. *Леонтович, Ф.И.* Задружно-общинный характер политического быта древней Руси (окончание) // Журнал министерства народного просвещения. 1874. Ч. 174. Т. 7. С. 120–151.
15. *Леонтович, Ф.И.* Задружно-общинный характер политического быта древней Руси (окончание) // Журнал министерства народного просвещения. 1874. Ч. 174. Т. 8. С. 194–233.
16. *Артамонов, Г.А., Литвинова, И.В., Большакова, Е.А.* Проблема цивилизационного самоопределения России в системе взглядов представителей юридической школы XIX в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 4. С. 102–113.
17. *Коркунов, Н.М.* Общественное значение права: лекции в Александровском лицее. СПб.: Тип. Р. Голике, 1892. 20 с.
18. *Градовский, А.Д.* Общественные классы и административное деление России до Петра I // Журнал министерства народного просвещения. 1868. Ч. 138. Т. 5. С. 405–456.
19. *Градовский, А.Д.* Государственный строй древней России // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 140. Т. 10. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. С. 101–143.
20. *Самоквасов, Д.Я.* Курс истории русского права. 3-е изд., испр. и доп. М.: Тип. Московского университета, 1908. 616 с.
21. Руководители Московских Цензурного комитета, архивов, музеев (до 1917 года). URL: <http://mj.rusk.ru/show.php?idar=801281> (дата обращения: 21.02.2023).
22. *Самоквасов, Д.Я.* Происхождение поместного права и общинного крестьянского землевладения Московского государства. М.: Университетская типография, 1904. 68 с.
23. *Сергеевич, В.И.* Время возникновения крестьянской поземельной общины. Сообщение члена Государственного совета В.И. Сергеевича в С.-Петербургском клубе общественных деятелей. СПб., 1908. 15 с.
24. *Градовский, А.Д.* Общественные классы и административное деление России до Петра I // Журнал министерства народного просвещения. 1868. Ч. 138. Т. 4. С. 1–91.
25. *Артамонов, Г.А.* Проблема типологизации восточно-славянской общины VI–IX вв. в отечественной археологии // Проблемы новой и новейшей истории России: сборник статей к 70-летию В.Г. Тюкавкина. М.: МПГУ, 1999. С. 48–62.
26. *Артамонов, Г.А.* Самозванство в период русской смуты и его социально-исторические истоки // Земля и Власть в истории России: сборник научных статей участников Всероссийской научной конференции памяти профессоров А.Г. Кузьмина, В.Г. Тюкавкина и Э.М. Щагина. М.: МПГУ, 2020. С. 159–168.
27. *Марков, Б.В.* Национальная идея в России и Европе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. № 1. С. 40–49.

REFERENCES

1. Yanov, A.L. *Russkaya ideya. Ot Nikolaya I do Putina. Kniga 1* [The Russian Idea. From Nikolai I to Putin. Book 1]. Moscow, Novyj hronograf, 2014, 240 p. (in Russ.)
2. Kocherov, S.N., Parilov, O.V. *Filosofiya russkoj idei* [Philosophy of the Russian Idea]. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet imeni K. Minina, 2018, 288 p. (in Russ.)
3. Semikopov, D.V., Zakhryapin, A.A. Evropa kak “drugoj” russkogo istoriosofskogo soznaniya: ot Srednevekovya k modernu [Europe as “Other” of Russian Historiosophic Consciousness: From Middle Ages to Modernity] *Vestnik Mininskogo universiteta* = Bulletin of Mininsky University, 2021, vol. 9, No. 1, pp. 11–27. (in Russ.)

4. Lubkov, A.V. Chaadaev i Katkov: stereotypy i protivorechiya obrazov [Chaadaev and Katkov: Stereotypes and Contradictions of Images], *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istorija Rossii* = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia, 2019, vol. 18, iss. 4, pp. 1002–1017. (in Russ.)
5. Mironov, V.V., Moschelkov, E.N., Alasania, K.Y., Dryaeva, E.D., Nikandrov, A.V., Tumanov, S.V. Nacionalnye cennosti Rossii: istoricheskie tradicii [National Values of Russia: Historical Traditions], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* = Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy, 2019, No. 5, pp. 14–28. (in Russ.)
6. *Ideologiya: pro et contra* [Ideology: Pro Et Contra], ed. by I.I. Kalnaya. Simferopol, Arial, 2015, 564 p. (in Russ.)
7. Lubkov, A.V., Lubkova, E.Ya. Petr Yakovlevich Chaadaev i imperskaya ideya v Rossii [Pyotr Yakovlevich Chaadaev and the Imperial Idea in Russia]. In: *Imperskaya tradiciya v rossijskoj gosudarstvennosti v Novoe i Novejshee vremya* [Imperial Tradition in Russian Statehood in Modern and Modern Times: Materials of the International Scientific Online Conference], ed. by S.V. Leonov, G.V. Talina. Moscow, Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2023, pp. 67–74. (in Russ.)
8. Chaadaev, P.Ya. *Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pisma: v 2 t. T. 2* [Complete Works and Selected Letters: in 2 vols, vol. 2], ed. by Z.A. Kamensky. Moscow, Nauka, 1991, 672 p. (in Russ.)
9. Lubkov, A.V. S.S. Uvarov i imperskaya ideya narodnogo prosveshcheniya [S.S. Uvarov and the Imperial Idea of National Enlightenment]. In: *M.M. Speranskij i opyt socialno-politicheskogo reformatorstva v otechestvennoj istorii* [M.M. Speransky and the Experience of Socio-Political Reformation in Russian History: A Collection of Scientific Articles Based on the Results of the All-Russian Scientific and Practical Conference], ed. by E.M. Petrovicheva et al. Vladimir, Tranzit-IKS, 2023, pp. 107–117. (in Russ.)
10. Udalov, S.V. *Imperiya na yakore: gosudarstvennaya ideologiya, vlast i obshchestvo v Rossii vtoroj chetverti XIX veka* [The Empire at Anchor: State Ideology, Power and Society in Russia in the Second Quarter of the 19th Century]. Saratov, Saratovskij universitet, 2018, 256 p. (in Russ.)
11. Minakov, A.Yu. *Russkij konservatizm pervoj chetverti XIX veka* [Russian Conservatism of the First Quarter of the XIX Century]. Voronezh, Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2011, 560 p. (in Russ.)
12. Khomyakov, A.S. O selskoj obshchine [On Rural Community]. In: *Russkaya civilizaciya i sobornost* [Russian Civilization and Sobornost], comp. E. Troitsky. Moscow, 1994, pp. 175–183. (in Russ.)
13. Litvinova, I.V., Malandin, V.V., Artamonov, G.A., Bolshakova, E.A. Gosudarstvennaya (yuridicheskaya) shkola v otechestvennoj istoriografii o cerkvi i gosudarstve: k postanovke problemy [The State (Law) School in Russian Historiography on Church and State: Toward a Problem Statement], *Lokus: lyudi, obshchestvo, kulturny, smysly* = Locus: People, Society, Cultures, Meanings, 2021, vol. 12, No. 4, pp. 112–126. (in Russ.)
14. Leontovich, F.I. Zadruzhno-obshchinnyj harakter politicheskogo byta drevnej Rusi (okonchanie) [The Friendly-Communal Nature of the Political Life of Ancient Russia (Ending)], *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* = Journal of the Ministry of Public Education, 1874, part 174, vol. 7, pp. 120–151. (in Russ.)

15. Leontovich, F.I. Zadruzhno-obshchinnyj harakter politicheskogo byta drevnej Rusi (okonchanie) [The Friendly-Communal Nature of the Political Life of Ancient Russia (Ending)], *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* = Journal of the Ministry of Public Education, 1874, part 174, vol. 8, pp. 194–233. (in Russ.)
16. Artamonov, G.A., Litvinova, I.V., Bolshakova, E.A. Problema civilizacionnogo samoopredeleniya Rossii v sisteme vzglyadov predstavitelej yuridicheskoy shkoly XIX v. [The Problem of Civilizational Self-Determination of Russia in the System of Views of Representatives of the Law School of the XIX Century], *Lokus: lyudi, obshchestvo, kultury, smysly* = Locus: People, Society, Cultures, Meanings, 2022, vol. 13, No. 4, pp. 102–113. (in Russ.)
17. Korkunov, N.M. *Obshchestvennoe znachenie prava: lekcii v Aleksandrovskom licee* [The Social Significance of Law: Lectures at the Alexander Lyceum]. St. Petersburg, Tipografiya R. Golike, 1892, 20 p. (in Russ.)
18. Gradovsky, A.D. *Obshchestvennye klassy i administrativnoe delenie Rossii do Petra I* [Social Classes and the Administrative Division of Russia before Peter the Great], *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* = Journal of the Ministry of Public Education, 1868, part 138, vol. 5, pp. 405–456. (in Russ.)
19. Gradovsky, A.D. Gosudarstvennyj stroj drevnej Rossii [The State System of Ancient Russia], *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* = Journal of the Ministry of National Education, 1868, part 140, vol. 10, pp. 101–143. (in Russ.)
20. Samokvasov, D.Ya. *Kurs istorii russkogo prava* [Course in the History of Russian Law]. Moscow, Tipografiya Moskovskogo universiteta, 1908, 616 p. (in Russ.)
21. *Rukovoditeli Moskovskih Cenzurnogo komiteta, arhivov, muzeev (do 1917 goda)* [Heads of the Moscow Censorship Committee, Archives, Museums (before 1917)]. Available at: <http://mj.rusk.ru/show.php?idar=801281> (accessed: 21.02.2023). (in Russ.)
22. Samokvasov, D.Ya. *Proiskhozhdenie pomestnogo prava i obshchinного krestyanskogo zemlevladieniya Moskovskogo gosudarstva* [The Origin of Local Law and Communal Peasant Land Ownership of the Moscow State]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1904, 68 p. (in Russ.)
23. Sergeevich, V.I. Vremya vzniknoveniya krestyanskoj pozemelnoj obshchiny. Soobshchenie chlena Gosudarstvennogo soveta V.I. Sergeevicha v S.-Peterburgskom klube obshchestvennyh deyatelej [The Time of the Emergence of the Peasant Landed Community. Communication of V.I. Sergeevich, a Member of the State Council, at the St. Petersburg Club of Public Figures]. St. Petersburg, 1908, 15 p. (in Russ.)
24. Gradovskij, A.D. Obshchestvennye klassy i administrativnoe delenie Rossii do Petra I [Social Classes and the Administrative Division of Russia before Peter the Great], *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* = Journal of the Ministry of National Education, 1868, part 138, vol. 4, pp. 1–91. (in Russ.)
25. Artamonov, G.A. Problema tipologizacii vostochno-slavyanskoj obshchiny VI–IX vv. v otechestvennoj arheologii [The Problem of Typologization of the East Slavic Community of the VI–IX Centuries in Russian Archeology]. In: *Problemy novoj i novejshej istorii Rossii* [Problems of the New and Modern History of Russia: Collection of Articles for the 70th Anniversary of V.G. Tyukavkin]. Moscow, Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 1999, pp. 48–62. (in Russ.)

26. Artamonov, G.A. Samozvanstvo v period russkoj smuty i ego socialno-istoricheskie istoki [Imposture During the Russian Troubles and Its Socio-Historical Origins]. In: *Zemlya i Vlast v istorii Rossii* [Land and Power in the History of Russia: Collection of Scientific Articles by Participants of the All-Russian Scientific Conference in Memory of Professors A.G. Kuzmin, V.G. Tyukavkin and E.M. Shchagin]. Moscow, Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2020, pp. 159–168. (in Russ.)
27. Markov, B.V. Nacionalnaya ideya v Rossii i Evrope [National Idea in Russia and Europe], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* = Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology, 2017, vol. 33, No. 1, pp 40–49. (in Russ.)
-

Лубков Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, академик РАО, ректор, Московский педагогический государственный университет, av.lubkov@mpgu.su

Alexey V. Lubkov, ScD in History, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Rector, Moscow Pedagogical State University, av.lubkov@mpgu.su

Артамонов Герман Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, профессор, кафедра истории России, Московский педагогический государственный университет, ga.artamonov@mpgu.su

German A. Artamonov, PhD in History, Associate Professor, Professor, Russian History Department, Moscow Pedagogical State University, ga.artamonov@mpgu.su

Литвинова Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, советник при ректорате, Московский педагогический государственный университет, iv.litvinova@mpgu.su

Irina V. Litvinova, PhD in History, Advisor to the Rector's Office, Moscow Pedagogical State University, iv.litvinova@mpgu.su

Большакова Екатерина Алексеевна, аспирантка, Учебно-научный центр актуальных проблем науки и образования им. А.Г. Кузьмина, Московский педагогический государственный университет, ea.bolshakova1@mpgu.su

Ekaterina A. Bolshakova, Postgraduate Student, A.G. Kuzmin Educational and Scientific Center for Actual Problems of Science and Education, Moscow Pedagogical State University, ea.bolshakova1@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 21.08.2023. Принята к публикации 22.09.2023

The paper was submitted 21.08.2023. Accepted for publication 22.09.2023